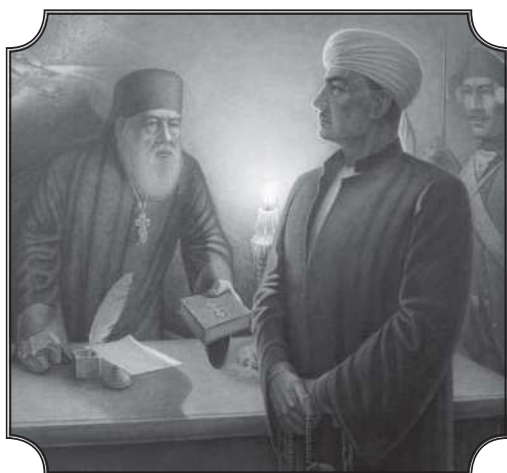

МУЛЛА БАТЫРША АЛЕЕВ И СТАРШИНА АНЫШ АБДУЛЛИН

«Воззвание Батырши. Пламенный 1755 год». Холст, масло. 70х76. Художник М. Вафин.

«Непоколебимый Батырша 1755-62 гг.». Холст, масло. 70х76. Художник М. Вафин.

Мулла Батырша — самый яркий представитель мусульманского духовенства Волго-Уральского региона России середины XVIII в. Сформировавшийся на протяжении многих лет как профессиональный служитель ислама, он пользовался огромным авторитетом и влиянием среди татар и башкир. Батырша был не только духовным служителем, просветителем, но и духовным лидером татар и башкир, хранителем культурных традиций этих народов.

В истории муллы Батырша известен как идеолог и организатор восстания мусульман 1755 г. против их насильственной христианизации. Из-за недостатка достоверных исторических источников его биография зачастую укутана в пелену различных мифов, которые продолжают тиражироваться в средствах массовой информации. Подготовленные еще в середине XX в. известным исследователем восстания А. П. Чулошниковым и профессором Н. К. Дмитриевым материалы не опубликованы до сих пор, хотя недавно они были размещены на сайте «Генеалогия и архивы» в разделе МИБ-II¹.

Мы предлагаем вниманию читателей документы, характеризующие Батыршу как религиозного деятеля, и объясняющие роль татарских и башкирских старшин* Уфимского уезда

* Старшина — должностное лицо местного самоуправления. Избирался волостным сходом, с середины XVIII в. назначался провинциальным начальником. Волостные старшины объявляли законы и распоряже-

Сабля Яныша Абдуллина.

в его поиске и задержании. К сожалению, тексты документов после набора не сверены с оригиналом и не исправлены. Выявленные ошибки исправлены по смыслу документа. Ссылки на архивные фонды не приводятся.

Батырша негативно относился к старшинам как к представителям официальной власти. Не случайно, несколько татарских и башкирских старшин были убиты во время бунта 1755 г. В то же время на Ногайской дороге Уфимского уезда восстание 1755 г. возглавили башкирские старшины, многие из них были арестованы и погибли в тюрьмах или среди казахов (старшина Бурзянской волости Бикбулат Аркаев, Усергенской волости Куват Кинзегулов, Гайнинской волости Абдул Куджагулов, Бушмас-Кипчатской волости Сатлык Явкеев и др.).

Особенно интересен документ № 11, где дано словесное описание портрета муллы Батырши. Он выделялся среди абызов, мулл и ахунов не только мусульманской образованностью, образом мысли и жизни, но и своей колоритной внешностью. В свои сорок лет мулла Батырша выглядел весьма эффектно. Яркое описание его внешности дал старшина Сибирской дороги Уфимского уезда Яныш Абдуллин: «А того вора Батырши образ и вид: роста высокого, лицо — белое, глаза и брови — черные, сам он статный, не толстый, на одной щеке родинка, а на родинке — немного волос; с усами, без бороды, он кюсэ*,

ния правительства, следили за их выполнением, отвечали за безопасность. Имели право штрафовать, подвергать аресту и назначать на общественные работы.

* Кюсэ («күсә») — безбородый, борода не растет (тат.).

годов ему — 40 лет и более»². Данное описание не совсем соответствует портретам, созданным художниками, кроме последних работ Мэлса Вафина**.

По мусульманской традиции борода является неотъемлемым элементом внешности татарских мулл. Исходя из этих представлений, исследователь письменного наследия Батырши М. Гайнутдинов подверг несправедливой и резкой критике автора романа «Батырша» Дж. Рахимова³ за то, что он, ссылаясь на П. Рычкова, изобразил его безбородым⁴. Публикуемый документ даст ясный ответ на данный вопрос.

Публикацию документов дополняет изображение сабли, которой был награжден старшина Яныш Абдуллин за особые заслуги перед императрицей Елизаветой Петровной. Пожалование холодным оружием было одним из рычагов национальной политики Российского государства. При подавлении волнений среди инородцев на окраинах огромной империи правительство опиралось на элиту местного населения и щедро ее награждало за активное участие в подавлении народных выступлений.

Яныш Абдуллин три раза награждался императрицей Елизаветой Петровной дорогими саблями. В 1742 г. — за активное участие в подавлении башкирского восстания 1735-1740 гг. был награжден во время коронации Елизаветы Петровны. В память этого события он получил роскошную саблю, ко-

** Вафин Мэлс Гаделович (р. 1947) — живописец, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан (1993).

торая ныне хранится в Государственном историческом музее (Москва). Она является украшением музейной коллекции оружия. Рукоять сабли и металлический прибор ножен серебряные, украшены орнаментом, сами ножны бархатные. На клинке надпись: «Б[ожию] М[илостию] мы Елизавета первая... пожаловали сею саблею мещеряцкого главного старшину Яныша Абдуллина за службу его в Москве 1742 года августа 27 дня».

В 1747 г. во второй раз Яныш Абдуллин был награжден саблей по ходатайству оренбургского губернатора И. И. Неплюева за активное участие в подавлении тептярского восстания в Уфимском уезде.

Третий раз саблей были отмечены деяния Яныша Абдуллина по подавлению восстания муллы Батырши 1755 г. Надпись на сабле сообщала, что награда дана «за оказанную верную и ревностную в 1755 г. против башкирцев службу». За поимку сообщников «возмутителя Батырши» Яныш Абдуллин, кроме сабли, получил еще серебряный ковш стоимостью 155 рублей 25 копеек, кармазин на кафтан, штоф на полукафтанье и 100 червонцев. За задержание Батырши саблей был награжден и старшина Сулейман Деваев. Других деятелей аналогичного уровня среди татарских и башкирских старшин, неоднократно удостоенных столь высокой награды, пожалуй, не найти.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сайт «Генеалогия и архивы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/28950-29503>.
2. Там же.
3. Рахимов Ж. Батырша: Тарихи роман. — Казан, 1994. — 479 б.
4. Батырша (Абдулла Галиев). Гарызнамә. — Казан, 2004. — 123 б.

№ 1. 1755-го, май-июнь. — Письмо башкира Осинской дороги аула Тунгэк Чурагула Минглибай-улы мишарскому муле Батырше Али-улы с одобрением его намерений и с указанием на необходимость принятия заблаговременных мер против всех явных противников восстания

Приветствие и уважение да дойдут до [того] Губейдуллы Мугиззэддина, кто бы ни был он, скрытый в тайне под словом, которое произносится так. Слыша о вашем высоком попечении, мы весьма радуемся. Да доведет Аллах всевышний ваше высокое попечение и распорядительность до [их] великой цели, сделав их имеющими успех, [каждого] по своему месту. А с проклятыми неверными война с давних пор надобна была: они, нарушив завет, не держат ни одного мусульманина в прежнем благополучии. Если пожелает Аллах всевышний, мы получим помощь. А это письмо, хотя ваше знание и разум в совершенстве [все] постигает, мы написали, чтобы ободрять сердца. Скажем-ка несколько слышанных речей. Во-первых, лицемеры-старшины приложили руки, чтоб им не допустить ребят к мятежу: в 1168 году от русского падишаха пришел-де указ, чтобы все народы от веры ислама отвести, и башкир, и мещеряков, и прочие народы приписать к заводским работам. Кроме этих речей, много слышанных слов мы из приличия опустили: слова-де скверные и худые, а разумные из малого поймут многое. «И коль скоро аллах всевышний этим их делам окажет поддержку эти речи [сами] будут в мыслях у вышеупомянутого. Людям ислама нужен правитель, человек, выдающийся знанием шариата. Если такого не будет, [то] как внушить народам повиновение? Иные лицемеры, чиня ябеду, передают слова неверным. Некоторые же говорят, что и так сживемся, а [в результате этого] погибает дело. Надобно присягнуть тому правителю объединившись. А еще надобно тому правителю набирать войско до 12 000, может быть и более, и тех пресловутых и явных противников, которые доносят неверным, стеснить, дабы не было так, как в прошлые годы: в прошлые годы одни пошли на мировую, а другие — нет, а те погубили и тех, которые примирились

и тех, которые не примирились. Посему с теми неверными мириться пользы не будет, а до воскресения мертвых война потребна, коли пожелает Аллах всевышний.

№ 2. 1755-го, ноября 19. — Рапорт мишерского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию о поисках муллы Батырши Али-улы в Бурибашском лесу и окрестностях лесах, с сообщением о намерении продолжать эти поиски в других районах

Рапорт Уфимскому приказу.

Сего 1755 года месяца мухаррема 12 дня указ с приложением печати из Санкт-Петербурга от великого Сената мною получен месяца сафера 17 дня при посредстве Якова Михайловича Зубова в Уфе. Послав своего писаря Кузьму Уразлы-улы, я уведомил об этом указе всех старшин и команды, находящиеся вокруг меня. Я все время всячески стараюсь как-нибудь изловить врасплох того вора Батыршу и выслеживаю его, но он не попадает. Вот и сейчас я, взяв с собой своего писаря Кузьму Уразлы-улы и своего муллу Исмагил Реджеп-улы, а также собрав из команд вокруг меня 200 человек, вывел их для выслеживания того вора Батырши в здешнем Бурибашском и других лесах. Здешние ученики вора Батырши, которые находятся здесь, говорят, что у Батырши де были такие речи: «Эту зиму прозимую где-нибудь здесь в лесу, или уйду в другой, нижний уезд». А сам тот Батырша в Казанском уезде учился около 10 лет. А в Исетской провинции, в ауле Муслим, проживал 4 года. Там, Тобольском уезде, у него есть знакомые люди и друзья. Поэтому я думаю: не ушел ли он, пожалуй, в те стороны. По этой же причине я хочу выбрать из своей команды хороших людей и послать их в Тобольский и Казанский уезды, а также в Исетскую провинцию для выслеживания того вора Батырши. А прежде хотел бы, чтобы из Уфимского приказа прислали мне 2-3 печатных манифеста, как это было прислано мне самому. Эти манифесты я хотел бы передать тем людям, которых я посылаю в чужие уезды. И если кто спросит у них что они здесь ходят, то они показали бы эти манифесты. И если бы им дали подорожные для получения подвод в Уфимском уезде и Исетской провинции, и если бы в Казанском и Тобольском уездах им дали подводы, то — без прогонов, а если это противоречит указам, то с прогонами. И ко следует ли сделать сообщением в Тобольскую губернию, чтобы помочь этим — моим людям, ушедшим туда выследить того вора Батыршу. Люди, которых я хочу послать в Казанский и Сибирский уезды, следующие: из аула Мугин-куль мои мулла, Исмагил Реджеп-улы вместе с одним товарищем, а также Нияз Абдусселим-улы из аула Тимка с одним товарищем, а люди, посылаемые и в Тобольский уезд Зойнеддин-мулла, Зейнель Абидин-улы с одним товарищем.

Послано 1755 года, месяца сефера 25 дня.

№ 3. 1755-го, ноября 19. — Рапорт мишерского старшины Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию об отыскании двух разыскиваемых больших книг, принадлежащих мулле Батырше Али-улы, и об отсылке их в названную канцелярию

Репорт Уфимскому приказу.

В настоящем 1755 году в Уфимском приказе жена того вора Батырши Зулейха показала: «Муж мой Батырша привез 2 книги от оренбургского ахуна Абдусселяма. Эта 2 книги остались в нашей клетке». И на основании ее показания 31 октября из Уфимского приказа был прислан указ, предписывающий разыскать эти книги и представить их в Уфимской приказ. Получав этот указ месяца сафера 9 дня я, старшина Яныш Абдулла-улы, разыскал и нашел 2 большие книги в черной обложке и отослал их в Уфимский приказ. Точно не знаю, что это за книги и кому они принадлежат. Хорошо было бы, если бы, приняв эти 2 книги в Уфимский приказ, прислали квитанцию.

Послано 1755 года, месяца сефера 25 дня.

№ 4. 1755-го, декабря 4. — Два рапорта мишерского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию о поисках муллы Батырши и о собрании о нем необходимых сведений

I. Репорт Уфимскому приказу.

Сего 1755 года, месяца севера, 25 дня мною было сообщено репортом, что я вывел писаря Кузьму Уразлы-улы и муллу Исагила Реджеп-улы с 200 человек для поимки того вора Батырши в Бурибашском и других лесах. Эти 200 человек, разыскивая того вора Батыршу в Бурибашском лесу, 7 дней ездили на лошадях по Бурибашскому, Урушскому и Буинскому лесам. А тут как раз пошел снег и дождь и стало холодно. И так как был сильный снег и сылать и ездить в лесу ка лошади больше возможности не было, я и вернул обратно. Разумеется того вора Батыршу они не могли встретить. И снова сего 1755 года, месяца ребиульэвеля 11 дня собрал из своей команды, а также из команд верных старшин, находящихся вокруг меня, 200 человек на лыжах. И 12 дня того же месяца у ребиульэвеля, в понедельник, разделив эти 200 человек на четыре [части], посылаю их в леса, лежащие вдоль рек Бури, Осы и Идиля, дабы выследить и изловить того вора Батыршу с большим старанием.

Послано 1755 года, месяца ребиульэвеля 11 дня.

II. Репорт Уфимскому приказу.

В указе, присланном из Уфимского приказа, предписывается допросить учеников того вора Батырши и сообщить репортом о том, у каких мулл Казанского и Симбирского уездов учился этот вор Батырша, и каких аулов имеет друзей и кто является его другом в Тобольске. Я допросил команды старшины Аликея Мюслим-улы, аула Тирма Абдулмуталлипа Юнус-улы и той же команды Абдулгаффера Сулейман-улы. Они показали: в этом году около 3 лет, как мы пришли в аул Карыш к Батырше в ученье. В каком ауле и у каких мулл учился он в Казанском уезде и в каких аулах у него есть друзья, мы не знаем. Прежде он сам бывало говорил, что обучался у муллы Абдуррахмана, команды старшины Надира; затем в Исетской провинции, в ауле старшины Муслима Эшер-улы около 3 лет учил де он мальчиков. Кроме этого, мы ничего не знаем, сказали они.

Послано 1755 году, месяца ребиульэвеля 11 дня.

Вышеизложенные два репорта посланы в Уфимский приказ с Эльмементом Исагил-улы.

№ 5. 1755-го, декабря 4. — Рапорт мишерского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы мишерскому старшине Ногайской дороги Аликею Муслим-улы о посылке к нему принесших повинную служилых мишеров его команды Абдулмуталлипа и Абдулгаффера

Господину старшине Аликею Муслим-улы.

Сообщается, [что] твоей команды, аула Тирме, Абдулмуталлип Юнус-улы и служилый твоей команды тож, аула Иримкей, служилый мешеряк Абдулгаффар Сулейман-улы, когда они обучались у карышского Батырши, в текущем году в один из дней месяца зульхидже, вместе с вором Батыршей, послужив мечом для его преступного деяния, [с ним вместе] убежали в лес. После, как они, став сообщниками того вора Батырши, несколько дней были в бегах в лесу, они, изгнав из своих сердец злодейское влияние того вора — бунтовщика Батырши ушли [от него] надеясь на милость Ея Величества падишаха и принеся повинную. И я, в силу всемилостейшего манифеста Ея Величества падишаха, задержал их при себе, а записки на них направил в Уфу с репортом. А Уфимский приказ на основании моего репорта представил [это] в Оренбургский приказ. И губернский приказ распорядился выслать ярлыки на каждого из них для возвращения их по домам. В силу указа предписанного Оренбургским губернским приказом Уфимскому приказу, присоединив к присланным на них ярлыках указ, присланный мне из Уфимского приказа, и вручив им тот указ и присланные по распоряжению на каждого из них ярлыки на предмет возвращения домой, отослал их обратно, вручив ярлыки на основании указа к тебе, старшине Аликею. Упомянутого Абдулмуталлипа и Абульгаффера, приняв на ста-

рых основания в свою команду, уведомя меня репортом [о том, что] они взяты тобой на попечение твоей команды.

1755 года, месяца рэбиульэввеля 11 дня.

№ 6. 1755-го, декабря 6. — Рапорт мишерского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию о продолжающихся розысках муллы Батырши

Рапорт Уфимскому приказу.

Сего 1755 года, месяца рэбиульэввеля 12-го дня, в понедельник, я для выслеживания того вора Батырши выставил 200 человек на лыжах, поставив во главе [их] старшину Нурлы Кучук-улы и писаря Кузьму Уразлы-улы. Этих 200 человек я разделил на четыре [части] и, приставив к ним 4-х сотников, двинул их вразсыпную для осмотра лесов от Яльдака вдоль реки до аула Бидай, а также приказал осмотреть леса по Осе, реке Бире и ельник аула Карыш. Ночуя в лесу, с большой настойчивостью, вразсыпную, по сегодняшней день они все еще ведут осмотр, [что должны производить] в течение 10 дней. О том, что бы ни получилось после того десятидневного выслеживания, я уведомлю своим рапортом.

Настоящий рапорт послан 1755 года, месяца рэбиульэввеля 13 дня через аула Уракай Абдульваххапа Ураз-улы.

№ 7. 1756-го, февраля 15. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию о посылке в Казанский и Симбирский уезд для выслеживания муллы Батырши мишарей Исмагила Реджеп-улы и Нияза Абдусселям-улы с товарищами и о полной безрезультатности их поисков

Рапорт Уфимскому приказу.

Минувшего 1755 гола, ноября 28 дня, на основании моего старшины Яныша Абдулла-улы, репорта из Уфимского приказа были присланы указ и подорожные для того, чтобы послать [людей] для выслеживания того вора муллы Батырши в Казанский и Симбирский уезды по всем дорогам. И в силу этого указа для выслеживания того вора муллы Батырши и [я послал] в Казанский уезд моей команды, аула Куль Исмагила Реджеп-улы с товарищем, а в Симбирский уезд аула Тимка Нияза Абдусселям-улы с товарищем, выдав им того же года, месяца рэбиульэввеля 28 дня, те подорожные и манифесты, а также от себя прогонные деньги 14 рублей. Пока они не кончились [у них], те ходили в Казанском и Симбирском уездах, по всем дорогам и сотням, выслеживая того вора Батыршу, но не встретили его и никаких следов его не разузнали. Во всех аулах они предъявляли те манифесты сотникам, выборным и аульным старикам, и те подписались [в том, что] в данное время вора Батырши среди них нет, а впредь буде окажется пойманным, то того вора муллу Батыршу отправить в крепость, [о чем] сего 1756 года, месяца джемадиульэввеля 24 дня, те мулла Исмагил и Нияз с товарищами вернувшись, поставили в известность меня, старшину Яныша Абдулла-улы. Я, старшина Яныш Абдулла-улы, свою руку приложил.

Настоящий репорт послан в Уфу 1756 года, месяца джемадиульэввеля 25 дня через сотника Алдульменнана Муслим-улы.

№ 8. 1756-го, февраля 15. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию о посылке на Ногайскую дорогу для выслеживания муллы Батырши Али-улы аула Сюндюк Супханкула Курманай-улы с товарищем

Репорт Уфимскому приказу.

Сего 1756 года, месяца джемадиульэввеля 18 дня, с целью выслеживания того вора Батырши и его товарища Яхьи, мною, старшиной Янышем Абдулла-улы, послан на Но-

гайскую дорогу к башкирам недавно вернувшийся от киргизов аула Сюндюк Супханкул Курманай-улы с товарищем.

1756 года, месяца джемад-уль-эввеля 26 дня.

**№ 9. 1756-го, февраля 16. — Запись в канцелярии мишарского старшины
Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы о посылке в Тобольский уезд
и на Ирбитскую ярмарку для выслеживания муллы Батырши Али-улы аула
Байгильди Гумера Юсуф-улы**

Сего 1169 года, месяца джемадиулаввеля 26 дня, в силу указа, присланного из Уфимского приказа, послан для выслеживания того пресловутого вора муллы Батырши, в Тобольский уезд и на Ирбитскую ярмарку, — аула Байгильдин Гумер Юсуф-улы. [Ему] дали подорожную, присланную из Уфы, а также печатные манифесты, присланные от Ея Величества великого падишаха. Идя на места Тобольского уезда, [и] получив присланный от Ея Величества великого падишаха манифест и подорожную присланную из Уфимского приказа, я, Гумер Юсуф-улы, свою руку приложил.

**№ 10. 1756-го, марта 19. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги
Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию
о смерти посланного на Нагайскую дорогу для выслеживания муллы Батырши
Супханкула Курманай-улы и об отсутствии всяких известий от других
посланных. находящихся в Тобольском уезде**

Репорт Уфимского приказу.

Сего 1756 года, месяца джемадиульэввеля 18 дня, для выслеживания и распросов о двоих, том воре мулле Батырше и его товарище Яхье, я послал на Нагайскую дорогу к недавно вернувшимся от киргизов башкирам моей команды, аула Сюндюк, Супханкула Курманай-улы вместе с товарищем. Но тот Супханкул не мог добраться туда: [по дороге] он тяжело заболел, вернулся обратно и умер. На сегодняшний день ничего о них не знаю. А также и те люди, которые были посланы в Тобольский уезд для выслеживания того вора Батырши, они пока не вернулись.

**№ 11. 1756-го, марта 19. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги
Яныша Абдулла-улы в Оренбургскую губернскую канцелярию
о безрезультатности поисков муллы Батырши, с сообщением внешних его примет
и с обещанием посылки дополнительных сведений об его розыске**

Репорт Оренбургской губернской канцелярии.

В минувшем 1756 голу, согласно подорожной, присланной из Уфимского приказа, месяца рэбиульэввеля 28 дня я послал моей команды аула Богдан служилого мешеряки Зейнуддина Зейнульабидин-улы с товарищем Мурат-Бакыем Невруз-улы для розысков и поимки того вора Батырши в Исетской провинции, в Тобольском уезде. Чтобы выдать прогоны в Тобольский уезд, я выдал из своих 12 рублей. Тот Зейнуддин со своим товарищем Мурат-Бакыем в течение 3 месяцев находились в Исетской провинции, в Тобольском уезде, около Тары, все следя за вором Батыршей, пока не вышли у них прогонные деньги.

Сего 1756 месяца джемадиляхыра 27 дня, они вернулись обратно и сообщили о том, что они вора Батыршу не нашли и нигде о нем ничего не слыхали. И жители тех мест, где они ходили, дали подписку в том, что тот вор Батырша у них не находится и что впредь, если [о том] станет известно, они схватят и передадут его в город. А тот Зейнуддин и его товарищ предъявили свою подорожную в Исетскую провинцию и начальству города Тары, Тобольской губернии. Те начальники поставили печать на их подорожную, что-

бы знали, что они действительно были там, а копия этой подорожной была переслана для осмотра в Оренбургскую губернскую канцелярию. А что до этого было оповещено репортом, то в Оренбургской губернской канцелярии известно. Служилый мешеряк мулла Исмагил Реджеп-улы и его товарищ, которые ходили в Казанском уезде высматривать того вора Батыршу, нигде не нашли и не слышали, где он, и вернулись; а также всюду, где ходили по Симбирскому уезду Нияз Абдусселям-улы с товарищем, — там в Казанском и Симбирском уездах, население давало подписку в том, что того вора Батырши в то время у них не было и, буде он впредь появится, они задержат и передадут в город. Затем я, вернувшись из Оренбурга, получил подорожную из Уфимского приказа и сего 1756 года, месяца джемадильэввеля 26 дня, послал, выдав из своих денег прогонные моей команды, аула Айгильди, Умера Юсуф-улы для выслеживания и поимки того вора Батырши и его товарища Яхьи в Тобольскую губернию, на Ирбитскую ярмарку. Этот Умер тоже вернулся, побывав на Ирбитской ярмарке и не найдя того вора Батырши и его товарища Яхью, и ничего о них и о том, где они есть, не слышал. Ныне, если этот вор Батырша ушел в сторону Тобольска, Тары и Туры, то не могло случиться, чтобы это не стало известно, коль скоро он ушел в такие далекие края. Между тем нигде ничего неизвестно. Поэтому я полагаю, что в ту сторону не пошел. А еще полагаю по своему разумению, что если этот вор пойдет, то он пойдет к казахам или в Астраханскую сторону. О том: надо бы написать в Астрахань я казахским ханам, А того вора Батырши образ и вид: роста высокого, лицо — белое, глаза и брови — черные, сам он статный, не толстый, на одной щеке родинка, а на родинке — немного волос; с усами, без бороды, он кюсэ, годов ему — 40 лет и более, а при нем его товарищ Яхья роста высокого, глаза черные, борода черная, смуглый человек, бороду стрижет. Возраст около 30 лет или более.

А есть у меня люди, которые были посланы на Ногайскую дорогу разведать и выследить того вора Батыршу среди башкир, только что вернувшихся от казахов, но они пока еще не возвратились. Как только они вернутся, и какие бы ни были у них вести, сообщу репортом без промедления.

Настоящий репорт передал через Яр-Мухаммета Биккине-улы [из] аула Тимка. 1756 года, месяца джемадиульахыра 28 дня.

№ 12. 1756-го, после [апреля] 18. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Оренбургскую губернскую канцелярию о обнаружении муллы Батырши и его товарища Яхьи среди башкир, возвратившихся из Казахской Орды

Репорт Оренбургскому губернскому приказу.

Сего 1756 года, месяца джемадиульахыра 12 дня, послал я аула Дюш служилого мешеряка Масгута Ильмет-улы с товарищем для того чтобы выследить и сыскать того пресловутого вора Батыршу и его товарища Яхью у башкир Ногайской дороги и у [тех] башкир, которые недавно пришли от казахов, пожив среди них. Тот мой человек Масгут Ильмет-улы, посланный разведать о том воре Батырше, сего 1756 года месяца реджеба 25 дня, вернулся и сообщил мне, что он с товарищем, выслеживая и разведывая о том воре Батырше среди команды старшины Шайли, а также в командах Чянгумской волости — сотника Итьяш Яналы-улы и среди других команд, и у башкир, недавно пришедших от казахов, а также в других селениях у башкир, постоянно живущих у себя, — но ни от кого не слышали никаких вестей о том воре Батырше и о его товарище Яхье и не нашли их. А еще ведомо о том, что в настоящее время все люди моей команды, и команд других волостей живут в добре, и ни о каком злодействе [мне] не ведомо.

Настоящий репорт от 1756 года, месяца реджеба 29 дня слово в слово, без прибавления и убавления, отослан в Оренбургский и Уфимский приказы через кулдашского Махмуда Мунсур-улы из [аула] Кюндеш.

№ 13. 1756-го, апреля 24. — Рапорт мишарского старшины Сибирской дороги Яныша Абдулла-улы в Уфимскую провинциальную канцелярию об отправлении в ее распоряжение мари Ишмета Арслан-улы и письма казаков Кызылярской крепости с известиями о мулле Батырше

Репорт Уфимскому приказу.

Сего 1756 года, месяца шабана 4 дня, во вторник, казаки Кызылярской крепости, Егор Микитин и Митрий Попов, послали ко мне вместе с татарским письмом через моей команды, аула Уруш, Гайта Алтуш-улы, Осинской дороги, команды старшины Бикмета, аула Кузгун, ясачного черемиса Ишмет Арслан-улы. Будто этот Ишмет Арслан-улы, в ауле Бадлов, в доме старшины Абдуррахмана Мулай-улы, говорил де, что вор Батырша жив. И на основании тех его слов тот Гайт Алтуш-улы ко мне, Янышу Абдулла-улы, доставил письмо, которое прислали те казаки, и того Ишмета Арслан-улы. Ввиду того, что эти кызылярские казаки задержали и прислали [черемиса] и в виду того письма, которое они написали, я, Яныш Абдулла-улы, допросил того Ишмета. Тот Ишмет Арслан-улы на допросе показал: ныне с тех пор прошло почти две пятницы. Того же аула Кузгун черемисы: Ирус-бай Тынмбулат-улы, Юнус-бай Тынмбулат-улы, Ильке Ипобай-улы втроем около двух пятниц бродили, не знаю где.

Сего месяца шабана 4-го дня, во вторник, поздно ночью вернулись они к себе домой. Ирус-бай, Юнус-бай и Ильке — трое рассказывали, что вор Бартыша жив. И в эту же ночь ушли захватив с собой лук, колчан, ружье, копья и еду; ушли, а куда ушли, не знаю. Я, Ишмет Арслан-улы; настоящий допрос правильно дал и свою тамгу приложил. По этой причине я отправил в Уфимский приказ вместе с репортом того черемиса Ишмет Арслан-улы с письмом, написанным кызылярскими казаками, дабы по принятии была выдана квитанция.

Я, старшина Яныш Абдулла-улы, подписался. 1756 года, месяца шабана 5 дня, этот репорт и письмо, написанное кызылярскими казаками, и черемис Ишмет Арслан-улы отосланы в Уфу с аула Байгильды Мухаммет-Рахимом Юсуф-улы, а также был отослан в Ял-дакскую Контору репорт относительно черемис при посредстве Рахимхула [месяца] шабана 6 дня.

№ 14. 1756-го, августа 29. — Рапорт оренбургского губернатора И. И. Неплюева в Сенат о поимке муллы Батырши Али-улы с изложением всех обстоятельств этого события и с сообщением о распределении обещанной награды между всеми участниками этого задержания

Секретно.

Правительствующему сенату д. т. с. и оренбургского губернатора Неплюева репорт. Понеже по высочайшему Ея И. В. манифесту, выданному и напечатанному в Санкт-Петербурге при Правительствующем Сенате, прошлого 1755 году октября 5 числа, и во всей Башкирии и в протчих принадлежащих местах опубликованному о происшедших в том 1755 году летом под случай учиненного от некоторых зауральских башкирцов замешания и побегу за Яик Уфимского уезду, Сибирской дороги, команды мещерацкого старшины Яныша Абдуллина, деревни Карышевой, мещерака муллы Абдуллы Мягзялдина, по прозвищу Батырши, великих противностях и возмущениях к бунту, о чем тогда и подлинные ево коварные письма найдены, повелено оным ево ложновымышленным и злосоставным письмам не верить и пр., и о поимке ево, яко главного злодея, вора и возмутителя, всеинаивозможное старание прилагать, и кто ево сыскав поймает и живаго объявит, тому велено обещать и употребить в награждение до 500 руб., о чем ко мне тогда ж из Правительствующаго Сената особой указ прислан, как о том и во оном манифесте напечатано. А после того, то есть сего 1756 году, апреля от 1 числа, указом Ея И. В. из Правительствующаго Сената ко мне ж присланным определено: в сыску и в получении в Оренбург помянутого вора и возмутителя Батыршу все наивоможнейшее старания употреблять и в пристойных местах публиковать, обнадеживая, ежели ево, вора Батыршу, кто ис киргисцов (ибо тогда по показанию некоторых было известно, яко бы он, вор Батырша,

в Киргиз-Кайсацкую орду пробрался), или верных башкирцов и мещеряков, или другой кто ж поймает и живаго в Оренбургской губернии командирам объявит, тому неотменно сверх прежде назначенных 500 руб. еще то ж число, всего 1 000 руб., в награждение дано быть имеет, о чем как по волжской команде, так и по Оренбургской губернской канцелярии в пристойных местах и опубликовано. А сего августа 12 числа присланным во оную губернскую канцелярию Уфимская провинциальная канцелярия репортом объявила, что помянутой вор и возмутитель Батырша на Осинской дороге в деревне Азяке (от Уфы расстоянием 150 верст), где живет мещеряцкой старшина Сюлейман Деваев, оным старшиною з домашним ево и тутошними деревенскими обывателями пойман и под крепким караулом везется в Уфу, куда 10 числа сего ж августа и ожидаем был, и что с ним по привозе чинить, требовала определения; на которое ее представление по учиненному в реченной губернской канцелярии того ж 12 числа определению посланным в тот провинциальную канцелярию указом определено ево, вора, оковав ему руки и ноги, за довольным канво-ем, под накрепчайшим караулом, прислать сюда, ж притом бы и означенному старшине Сюлейману Деваеву для учинения ему за тоэ ево службу надлежащего награждения велено быть сюда а с ево надежным людьми, о чем о всем оног ж 12 числа с требованием надлежащего об нем, воре Батырше, определения и Правительствующему Сенату с нарочно посланным от меня донесено. А притом между протчаго включено и сие, что помянутой старшина Сюлейман по прибытия ево сюда за показанную ево службу в селе манифестов награжден будет, которой старшина с некоторыми ево людьми 18 числа сего ж августа сюда и прибыл и в губернской канцелярии явился. А потом, то есть 25 числа сего ж августа, ввечеру, и помянутой возмутитель Батырши сюда привезен и для верности, подлинно ль он Уфимского уезду, Сибирской дороги, команды старшины Яныша Абдуллина, деревни Карышевой, из мещеряков мулла Абдулла Мягзылдин, а по прозвищу Батырша, сам он мною спрашиван, что он Батырша о себе точно и подтвердил, как о том от 24 числа в Правительствующий Сенат я репортовал.

Вышеупомянутой же старшина Сюлейман 20 числа сего августа в Оренбургской губернской канцелярии: о поимке ево, вора Батырши, каким образом оная произошла скаскою объявил, что сего августа 8 числа днем, после полудни, около вечеренного времени, пришед к нему, старшине, деревни ево, Азяк, женка мещерка Юсупова, жена Фариза, Шабанова дочь, объявила, что из улья ее имеющейся в ареме (которая от воров деревни их разстоянием например сажень со 100) неведомые воры мед покрали, а притом сказала, что на то число ночью перед розсветом неведомо кто стучал у нее под окном и спрашивал сына ее Иш-Назара Юсупова, дома ли он, или нет, а как де она ему сказала, что сына в доме нет, а находится на сенокосе для кошения сена, то, более ничего не спрашивая, ушел; в то ж де самое время, как оной неведомой человек из под окна ее ушел, слышала она у мечети (которая от двора ее разстоянием например сажень з 20) двери скрипнули. Что услыша он, старшина, вознамерил о том воровстве обыск учинять и для того всех деревенских жителей собрать, а кого дома нет, о тех спросить и изследовать, куда они отлучились, дабы чрез то виноватого сыскать; чего де ради и вышел он на улицу, где попались ему деревни и команды ево мещеряки: во-первых, Исхак Якупов, потом Расуль Кармышев да азанчий, то есть понамарь, Исмаил Ибраев, которым он вышеописанное женки Фарисы объявление и свое намерение о учинении обыску сказал, а притом, во-первых, по вышеписанным женка Фаризы речам, что у мечети двери скрипнули в такое время, когда она в язе на молитву не ходят, и ходить без притчины некому и не для чего приказал реченному азанчию Исмаилу во оной мечете осмотреть, не в ней ли кем показанной покраденной из улья мед спрятали. Почему де он азанчий в тое мечеть и пошел и вошел в нее вдруг закрывал, что в ней вор, а как скоро тот крик он учинил, то увидели она, старшина с товарищи, что из мечети в окно выскочил человек босой в одном полукафтаны китайчетом да в шапке и побежал к березнику, за которым он, Сюлейман, и показанные Исхак Расуль и азанчий Исмаил того ж маменты, как были пешие ж, погнались, чтоб ево не упустить. И как оной вор увидел их за собой бегущих, то помянутое имевшееся на нем полукафтаны и шапку с себя збросил (которые он, Сюлейман, поднял) и на утек в березник так сильно побежал, что им старшине с товарищи пешком догнать было трудно и весьма

ненадежно; и тако де, видя оное, тотчас закрывал он, старшина, чтоб наскоре для погони за ним привели лошадей, а сам и по приказу ево показанные мещеряка пешком не останавливаясь гналися, наблюдая чтоб он вор, ушед из виду в лесу от них не укрылся, а что он, вор Батырша мулла, про то она тогда не знали, а чаяли, что тот токмо вор, коим помянутой мед покраден. А между тем по вышеписанному ево, старшинскому приказу, в самом скором времени сын ево Даут лошадь к ним привел, на которой послал он, старшина, ево, вора, «догонять помянутого мещеряка Расуля, кой седши на тое лошадь тотчас ево в помянутом березняке разстоянием от деревни с версту нагнал и поймал, а между тем и он, старшина, с показанными Исхаком и с азанчием Исмаилом и с сыном своим Даутом пешком за ним, не останавливаясь же, бежали. А как еще другой ево Сюлейманов малой сын Кил-Мухаммет другую лошадь к ним привел, то на оную и он, Сюлейман, содши сам наскоре к нему, Расулю, и в помощь побежал и усматривая, что там помянутый вор противится, у него же в руке и складной нож был, кричал и подтверждал ему, Расулю, чтоб он как можно б ево вора держал и не упустил. А притом в самом скором времени к нему, Расулю, реченной Исхак, тако ж, он, старшина, к помянутой азанчий, а потом и сын ево, Сюлейманов, Даут подоспели и ево, вора, удержали. И в то самое время опознали, что то был помянутой злодей Батырша мулла, причем де по вышеписанному ево, старшинскому, крику, как он лошадей просил за оным воров гнаться, и еще прибежали к ним на помощь писарь ево, Сюлейманов Муксин Абдусаломов да команды ж ево мещеряки Абдюк Девлетсаров, Бакый Юнеев.

И так, взяв ево, вора муллу Батыршу, все обще привезли в деревню свою к нему, старшине, в дом, и по приводе того ж часу написав он, старшина, о поимке ево вора репорт в Уфимскую провинциальную канцелярию, с помянутым писарем Муксином и с сыном своим Даутом послал. А ево, вора, заклепав ему руки и ноги в колодки, того ж числа, нимало не мешкав, собрав в конвой пристойную команду, повез сам в тое ж провинциальную канцелярию под крепчайшим караулом, о которой ево, вора Батырше, поимке и вышеимянованные мещеряки Расуль, Исхак, азанчий Исмаил, писарь Муксин и Бакый в Оренбургской губернской канцелярии против того ево, старшинского, объявления показали согласно, в чем и подписались. А мещеряка ж Абдюка здесь в Оренбурге не было, о котором оные старшина и мещеряки объявили, что он остался в доме своем. Того ради, в силе вышеозначенных Ея И. В. указов и опубликованного в народ манифеста, за поимку оного главного возмутителя и злодея Батырши вышеписанное определенное теми высочайшими Ея И. В. манифестом и указами награждение 1 000 рублей выдана по сему, а именно: старшине Сюлейману, яко старшине и главному в том деле старателю, дана против всех прочих половина, то есть 500 руб.; мещерякам Расулю Исхаку и азанчию Исмаилу, кои в поимке ево с помянутым старшиной прежде других простирались и обще с ним, Сюлейманом, ево удержали, дано каждому по 100-у, а всем троим 300 руб.; старшинскому же сыну Дауту, писарю Муксиину и мещерякам Абдюку и Бакью, яко уже по поимке ево вора на помощь прибежавшим, за их в той же поимке рачение каждому по 50, а всем четверым 200, что все учинит 1000 руб. И в засвидетельствование оной их верности и службы и вышеписанного высочайшего Ея И. В. награждение дан им старшине с товарищи, похвальной указ, а в Уфимскую провинциальную канцелярию о всем том для ведома указ же послан.

Иван Неплюев.

Оренбург.

Августа 29-го дня 1756 году.

Сайт «Генеалогия и архивы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/28951, 29009, 29010, 29013, 29014, 29020, 29031-29033, 29035-29038, 29056>.

Иллюстрации предоставлены автором статьи.

Публикацию подготовил
Файзулхак Ислаев,
доктор исторических наук

